

УДК 821.161.1.09-15+929Ревич

ОТ РОЖДЕНИЯ К РОЖДЕСТВУ: ЦИКЛ А. РЕВИЧА «СЫН ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ»

Р. Р. Измайлов

Измайлов Руслан Равилович, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин и физической культуры, Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова, ruslanizmajloff@yandex.ru

В статье рассматривается стихотворный цикл Александра Ревича «Сын человеческий». Показано, что поэт осмысляет собственное бытие через призму евангельского благовестия. Земная жизнь и страдания Иисуса Христа являются «архетипом» для человека, вступившим на путь, указанный в Новом Завете. Смысл всего происходящего «иконически» раскрывается как осуществление человеком своего богоподобия: от рождения к смерти и воскресению в жизнь вечную.

Ключевые слова: поэзия, цикл стихотворений, христология, «халкидонский принцип», иконическое осмысление.

From Birth to Christmas: A. Revich's Cycle *Son of Man*

R. R. Izmailov

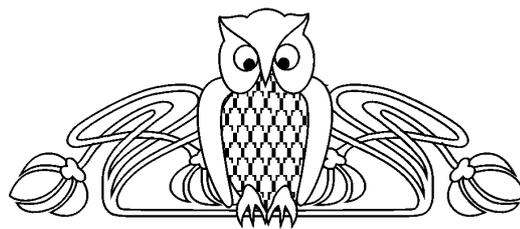
Ruslan R. Izmailov, ORCID 0000-0003-3767-8942, Saratov State Conservatoire, 1, Kirov Ave., Saratov, 410028, Russia, ruslanizmajloff@yandex.ru

The article deals with the poetic cycle by Alexander Revich *Son of man*. It is shown that the poet comprehends his own existence through the prism of Evangelical good tidings. The earthly life and suffering of Jesus Christ is the 'archetype' for a man who has embarked on the path specified in the New Testament. The meaning of it all is 'iconically' revealed as the man's realization of his godliness: from birth to death and resurrection into eternal life.

Key words: poetry, cycle of poems, Christology, "Chalcedonian principle", iconic interpretation.

DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-3-338-341

В поэтическом наследии Александра Михайловича Ревича особо выделяется книга «Прощание с веком», которая входит в состав сборника «Позднее прощание: лирика, поэмы, записки»¹. Книга «Прощание с веком» пронизана высоким религиозным вдохновением. Поэт касается различных духовных и богословских тем. Открывается книга циклом «Сын человеческий»². Мы знаем, что именно так назван в евангелиях Иисус Христос – Сын Божий, в своём воплощении обретающий подлинную человеческую природу. Цикл состоит из пяти стихотворений. Центральным событием цикла является Рождество Христово. Но в Рождестве уже прозревается Распятие, Крестная смерть Христа, что напрямую соотносится с православным богословием и иконологией. Если мы обратимся к иконе Рождества, то увидим, что

лежащий спелёнатый Богомладенец в яслях есть в то же время и пророческий образ Христа во гробе, повитый погребальными пеленами: «Пещера, ясли, пелены – указания на кенозис Божества, Его истощание, на крайнее смирение Того, Кто, невидимый естеством, становится видимым плотию человека ради, рождается в пещере, повивается пеленами, предвозвещая Свою смерть и погребение, гроб и погребальные пелены»³.

Очень важной для Александра Ревича является мысль, вернее, благовестие о том, что Бог становится таким же, как и мы. Бог, став человеком, переносит усталость, физическую немощь, жажду, нищету, странничество, страдание и наконец смерть. Но благодаря этому все мы и наши земные человеческие дела и вещи освящаются Им и в Нём, и они преображаются и обретают свой высший смысл: «Чрез Свое воплощение Господь стал в ближайшее отношение к человеку. Дивно! Сам Бог соединен в одно лицо с человеком. Бог стал плотью – *Слово плоть бысть* [Иоан. 1, 14]. Бог Сам вкушал нашу плотскую пищу и пил наше питье, возлежал в яслях, обитал в доме. Невместимый небесами, ходил стопами по земле, по воде, по воздуху (*идущу*, говорится, *на небо* [Деян. 1, 10]); пригвоздился к дереву, *на ничесом же земле повелением Своим повесивый* [Канон, ирмос 5 гласа]. Вся земля, воды и воздух – все освящено вочеловечившимся Сыном Божиим, потому-то любезна для Него земля – это временное жилище человека, эта гостиница рода человеческого, это место обитания Его между людьми. Но особенно любезны для Него сами люди, коих душу и тело Он принял в единство Своего Лица, и особенно истинные христиане. Он в них – и они в Нем»⁴.

Цикл строится в силовом поле двух «центров напряжённости»: Сын Человеческий и человеческий сын (в стихотворениях цикла – это сам поэт). Эта «антиномия» наиболее ярко выражена в первом и последнем стихотворениях. В первом речь идёт о Рождестве Христовом, в последнем – о рождении самого поэта. Но антиномия преодолевается поэтом с помощью «формулы», данной при определении христологического догмата на 4 Вселенском (Халкидонском) соборе. Суть догмата заключается в том, что во Христе божественная и человеческая природы соединены *нераздельно и неслиянно*. А. Ревич свидетельствует, что каждое рождение младенца иконически связано с Рождеством Богомладенца. Образ новорождённого нераздельно и неслиянно соединён с Первообразом – Младенцом-Христом.

На наш взгляд, этот «халкидонский принцип» является в цикле сюжетообразующим. Так, в первом стихотворении цикла первые две строфы ведут нас в «Вифлеемское пространство» русской поэтической традиции (Б. Пастернак, И. Бродский):

Когда коснулось глаз
свечение пещеры,
младенца в первый раз
окутал сумрак серый.

Стояли холода,
студя золу мангала,
и хоть вошла звезда,
тепла не доставало⁵.

А с третьей строфы поэт включает «Вифлеемское пространство» в пространство всего мира, как и положено в православном богословии, так как историческое событие в Вифлееме становится всевременным и всепространственным – эонотопичным. Иконическое время – это «воплотившаяся» вечность, иконообраз вечности. «Так как человек есть иконообраз Христа, а время иконообраз вечности, то личность, устремлённая к Богу и святости, ещё в этой жизни способна войти в соприкосновение с вечностью, “победить время” и жить в иконической двуединой вневечности»⁶.

Иконические время и пространство являются собой своего рода «сакральный хронотоп», где время и пространство связаны не только с собой, но с вечностью. В. Лепяхин для обозначения такого времени и такого пространства применяет понятия «эонотопос» и «иконотопос»: «Время в эонотопосе (от греч. *эон* – вечность. – Р. И.), будь то богослужбное, историческое или циклическое, не самостоятельно и автономно, но соотносено с вечностью, оно понимается и изображается как земная икона вечности. Также и место является не простой географической точкой, а избранным священным иконотопосом»⁷.

В тот предрассветный час,
когда знобило плечи,
пришел один из нас,
детеныш человеческий,

из света или тьмы
холодным новогодьем
явился в мир, как мы
обычно в мир приходим

на счастье или беду,
чтоб встретить утро снова
в двухтысячном году
от Рождества Христова⁸.

Соотнесение «Сын человеческий» и «детеныш человеческий» свидетельствует, что поэт осмысливает рождение каждого младенца после Рождества Христова иконически. Уже самим

фактом рождения младенец потенциально приобщён к таинству Боговоплощения. Предложение, начатое третьей строфой первого стихотворения цикла, продолжается в четвёртой и пятой строфах, т. е. продолжается до конца стихотворения. Иконологическое восприятие рождения младенцев завершается осознанием и включением себя в эту «Рождественскую мистерию». Причём осознание происходит не в люцеферическом пафосе «Будете как боги!», а возвышенно и смиренно, с ощущением тяжёлой крестной ноши.

Путь земной жизни Христа – крестный путь, и второе стихотворение цикла повествует о крестных страданиях и муках. В смысловой композиции стихотворение делится на две части, хотя строфически и графически это никак не выделяется. В первой дано описание самих мук, а во второй – муки, претерпеваемые Христом, переживаются как свои собственные:

Совсем не трудно гвозди вбить в ладони
и промеж ребер засадить копьё.
Что делать! Зародилось в смертном лоне
Его живое тело, как твое,
и потому Он преклонил колени,
когда уснули спутники в саду,
и у Отца просил соизволения
избегнуть казни, миновать беду⁹.

Единство по плоти человечества и Сына Божия делает любого человека потенциально и каждого члена Церкви актуально причастным крестным страданиям Христа. Недаром Церковь определяется как Тело Христово. Именно таким образом Александр Ревич во втором стихотворении цикла осмысливает и поэтически воплощает своё понимание страданий человека, в том числе и свои собственные.

Часто в богословской и философской традиции осуществляется интерпретация смысла человеческих (и всего мира!) страданий. Так, французский православный богослов Оливье Клеман в книге «Истоки. Богословие отцов Древней Церкви», опираясь на святоотеческое предание, пишет: «Это была кровавая, крестная жертва, которая объясняется <... > онтологической солидарностью Христа со всеми людьми. Христос, в силу этой солидарности в бытии и в любви, принял на Себя всю ненависть, глумление, отчаяние, <... > все смерти, все самоубийства, все муки, все агонии всех людей на всём протяжении времени и пространства. В силу этого Он стекал кровью, мучился в агонии, стонал от тоски и одиночества»¹⁰. Клеману вторит русский богослов XX в., архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской): «... Господь усыновляет человека и причисляет его к Своему крестному пути правды в ветхом мире, и, страдая за рабов Своих, страдает в сынах, распространяет пределы Своего Страждущего Богочеловеческого Тела на тела всех сынов Своих и страдания Богочеловеческой

Души Своей на их души. Так рождается новый мир. Это великая тайна строительства Церкви, Нового Мира на крови Агнца и агнцев <...> И потому нет на земле высшей красоты, чем страдание правды, нет большего сияния, чем сияние безвинного страдания»¹¹.

Но если все наши страдания и муки – это страдания и муки Христа, то, очевидно, справедливо тогда и обратное: страдания Христа – это наши, мои страдания (конечно, это лишь малая часть страданий Богочеловека, часть, которую способен понести и вынести человек). Именно так понимает и воспринимает крестные страдания Спасителя А. Ревич:

Мы ближние Его в скорбях и боли,
мы все от плоти плоть, от кости кость
и стискиваем зубы поневоле,
представив, как вбивают первый гвоздь¹².

В третьем стихотворении цикла поэт продолжает свою поэтическую экзегезу сопричастности Иисусу Христу, показывая не Распятие, не Крестную Жертву, а земную жизнь Мессии, полную лишений, трудов – такую, какую проживает каждый человек, честно и праведно выполняющий свой жизненный долг. А осмысление жизни одного человека как жизни Христа ведёт к осмыслению и судьбы страны в этой же евангельской перспективе. Совсем не случайно в конце третьего стихотворения цикла появляется парафраза тютчевских строк: «Удрученный ношей крестной, / Всю тебя, земля родная, / В рабском виде царь небесный / Исходил, благословляя».

Когда меж камней раскаленных
Его утомляла ходьба,
дышал он с трудом на уклонах,
и смахивал капли со лба,
и пил родниковую воду,
такую прозрачную встарь,
и нищую славил природу,
неведомый странник и царь¹³.

В четвёртом стихотворении мы вместе с поэтом всё более проникаем в тайну единства и сопричастности рождения и Рождества. Все образы в стихотворении отмечены онтологической парностью, двоичностью, которая не разрушает, не вносит двусмысленности, а создаёт двуединую новую реальность. Рождество Христово – это рождение нового мира. Рождение человека – это тоже новое малое миротворение. А если вспомнить, что, согласно евангельской вести и святоотеческому толкованию, творение мира осуществляется через второе лицо Пресвятой Троицы, через Бога Слова: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. (Ин. 1:1-3)», т. е. мир создан Тем, кто воплощается в

нём, Кого мы встречаем в Рождество, то становятся понятными слова, взятые поэтом из Книги Бытия, в конце стихотворения: «Да будет свет». Так же становится ясным в библейском контексте параллелизм между миром, ещё не названным пока бессловесным младенцем, и миром, ещё не названным первенцем из людей Адамом.

Все это виделось когда-то
в начале мира, на заре:
стекло оконного квадрата
в морозных пальмах, в декабре.

Все это виделось спросонья:
за дверью зимний белый двор
и пиковая масть воронья
пространствам снежным вперекор.

Все это было до сознания:
тепло и пламя ночника,
и призрачные очертанья
вещей, не названных пока.

Так возникал в глазах младенца
мир узнаваний и примет:
лицо, рука и полотенце,
и древний смысл: «Да будет свет»¹⁴.

В пятом стихотворении А. Ревич переходит на предельно интимную интонацию, появляется личное местоимение «я». Он говорит о своём появлении на свет, придерживаясь точных примет времени и места: «ноябрь» (поэт родился 2 ноября 1921 г.), «южный город» (родился в Ростове-на-Дону), холод коммунальной квартиры, ранняя зима и т. д.:

Говорят, в далеком ноябре,
в ночь, когда я вышел из утробы,
был мороз трескучий на дворе,
горбились за окнами сугробы.

В давнем южном городе мело,
вьюга за стеною выла бесом,
окон запотевшее стекло
поросло дремучим белым лесом.

С кранов лед свисал, не стало дров,
не топили печь, воды не грели,
с первого мгновенья был суров
ты, мой век, от самой колыбели.

Многое случится, а пока
ошутимы бережные чьи-то
две ладони, запах молока,
чья-то всемогущая защита.

Так в одну из самых лютых зим,
в дни бескормицы и бездорожья
был незримой силою храним
маленький росток, подобье Божье¹⁵.

Автор своё рождение осмысливает с высоты прожитых лет, он уже знает, сколько придётся претерпеть в жизни этому младенцу. Но как охраняют младенца ладони матери, так и две ладони «незримой силы» будут хранить «маленький росток, подобье Божье». Показательно, что А. Ревич использует слово «подобье», т. е. то, чем мы должны стать: «Подобие Божие в человеке – это способность человека направлять силы своей души к уподоблению Богу, это дарованная человеку Богом возможность стать богоподобным путём его свободных личных усилий, оно заключается в духовном совершенстве человека, добродетелях и святости, в стяжании даров Святого Духа. Подобие мы должны приобретать сами, реализуя дарованную Богом способность воли. «[Бог] даровал ... способности воли – благодать и премудрость, чтобы тварь по причастию стала тем, что Он Сам есть по существу (преп. Максим Исповедник). Достижение богоподобия – цель человеческой жизни»¹⁶.

Осуществление богоподобия – это обожение. К этому был призван Адам, но грехопадение преградило ему путь к этой вершине: «Обожение было той целью, к которой должен был стремиться Адам. Достигнув полноты общения с Творцом и всем творением, он должен был привести к обожению весь мир. Но из-за своего падения он не смог выполнить поставленную Богом перед ним задачу. Сотворенный по образу Божьему Адам не достиг подобия, которое он мог бы получить, исполняя Божию заповедь. Будучи творением Бога “по природе”, он не смог стать “по благодати сыном Божиим и богом”»¹⁷. Только с приходом Спасителя, Мессии, Иисуса Христа становится возможным для человека путь обретения богоподобия, обожения. Для поэта Александра Ревича

только такой итог и возможен, иначе нет смысла в рождении.

Примечания

- ¹ См.: Ревич А. Позднее прощание : лирика, поэмы, записки. М., 2010.
- ² Там же. С. 151–153.
- ³ Лосский В., Успенский Л. Смысл икон. М., 2014. С. 239.
- ⁴ Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Моя жизнь во Христе. М., 1999. С. 269.
- ⁵ Ревич А. Указ. соч. С. 151.
- ⁶ Лепахин В. Икона и иконичность. СПб., 2002. С. 95.
- ⁷ Там же. С. 292.
- ⁸ Ревич А. Указ. соч. С. 151.
- ⁹ Там же. С. 152.
- ¹⁰ Клеман О. Истоки. Богословие отцов Древней Церкви. URL: http://royallib.com/read/olive_kleman/olive_kleman_istoki_bogoslovie_ottsov_drevney_tserkvi.html#0 (дата обращения: 20.03.2018).
- ¹¹ Архиепископ Иоанн (Шаховской). Тайна Иова. О страдании // Архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской). Избранное : в 2 т. Н. Новгород, 2000. Т. 2. С. 269.
- ¹² Ревич А. Указ. соч. С. 152.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. С. 153.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Алфавит духовный. Образ и подобие. URL: http://verapravoslavnaya.ru/?Obraz_i_podobie_Bozhie_alfavit (дата обращения: 20.03.2018).
- ¹⁷ Каплан И. Христос как второй Адам в богословии преподобного Максима Исповедника. URL: http://www.bogoslov.ru/text/4574482.html#_ftn37 (дата обращения: 20.03.2018).

Образец для цитирования:

Измайлов Р. Р. От рождения к рождеству: цикл А. Ревича «Сын человеческий» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 338–341. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-3-338-341.

Cite this article as:

Izmailov R. R. From Birth to Christmas: A. Revich's Cycle *Son of Man*. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 338–341 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-3-338-341.